

УДК: 502.131

DOI: 10.25629/НС.2023.09.09

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Григорьев С.М.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

АННОТАЦИЯ

Ключевая роль, которую урбанизация играет в траекториях глобального развития, четко признана Повесткой дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 года, в которой среди ее 17 целей в области устойчивого развития прямо говорится о том, что города и населенные пункты должны быть более инклюзивными, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми (ЦУР 11). В то время как задачи ЦУР 11 сопровождаются одним или несколькими показателями для мониторинга их достижения, в некоторых случаях этот процесс не является простым. В частности, когда речь идет о Задаче 11.а. «Поддерживать позитивные экономические, социальные и экологические связи между городскими, пригородными и сельскими районами путем усиления планирования национального и регионального развития», выявленный показатель, по-видимому, не способен отразить всю сложность национального и регионального управления, политики и планирования. Чтобы внести свой вклад в решение этой проблемы, в статье концептуально обсуждаются содержание и решения задачи 11.а ЦУР 11. На этой основе разработан многомерный набор индикаторов для оценки качества пространственного управления и планирования, которые разделяет их на три основные категории: 1) процедурные показатели, 2) инструментальные показатели и 3) финансовые показатели. Результатом этой работы является набор инструментов, который может помочь лицам, принимающим решения, и политикам в оценке качества усилий, которые они прилагают для повышения устойчивости своих городов и территорий, а также в анализе того, какие меры и инициативы могли бы способствовать этому.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цели в области устойчивого развития, многоуровневое управление, пространственное планирование, индикаторы.

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве регионов мира, начиная со второй половины 20-го века, наблюдается быстрый рост городских районов и их окрестностей. В 2008 г. городское население впервые в истории превзошло сельское население, а недавние прогнозы показывают, что к 2050 г. оно может достичь 70% мирового населения [1]. Эта тенденция к урбанизации привела к усилению социально-пространственного и экологического неравенства, которое проявляется с разной степенью в разных странах и регионах мира и еще более усугубилось недавней пандемией COVID-19 [2,3]. Ключевая роль, которую урбанизация играет в траекториях глобального развития, признается международными организациями, которые выделили время и ресурсы для лучшего понимания и управления ее последствиями [1,4]. Наиболее конкретным примером в этом отношении является Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. [5]. В частности, среди 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), которые должны обеспечить общий план альтернативных, более целостных моделей развития, в своей

ЦУР 11 Повестка дня на период до 2030 года прямо выступает за то, чтобы города и населенные пункты были более инклюзивными, безопасными, гибкими и устойчивыми [6].

ЦУР 11 реализуется через 10 отдельных задач, каждая из которых сопряжена с одним или несколькими индикаторами для отслеживания прогресса в ее достижении. Однако в некоторых случаях это не так просто. В частности, когда речь идет о Задаче 11.а «Поддерживать позитивные экономические, социальные и экологические связи между городскими, пригородными и сельскими районами путем усиления планирования национального и регионального развития», был определен только один показатель, который никоим образом не представляется достаточным для понимания сложности национального и регионального управления, политики и планирования, ни разнородности программ, инструментов и механизмов, которые внедряются в различных институциональных условиях для решения экономических, социальных и экологических проблем, возникающих в связи с урбанизацией.

ЦЕЛЬ

В статье предлагается многомерный набор индикаторов, способных оценить качество пространственного управления и планирования в данном контексте.

Предлагаемый набор индикаторов подразделяется на три основные категории:

- 1) процедурные индикаторы – основное внимание уделяется моделям управления и институциональной координации;
- 2) инструментальные индикаторы – с упором на дифференцированный характер инструментов, используемых для обеспечения устойчивого развития;
- 3) финансовые индикаторы – с акцентом на способность эффективно осуществлять финансовую поддержку из существующих программ и схем финансирования.

С одной стороны, его цель – следить за тем, как разные территории выполняют задачу 11.а ЦУР 11 и какие действия можно предпринять для достижения этой задачи. С другой стороны, его основная особенность заключается в его реализации региональными и местными властями, действующими на территориях, и в инновациях, которые этот процесс может вызвать в местной политике и принятии решений. Применение предлагаемого набора показателей позволит региональным и местным органам власти улучшить понимание довольно размытого смысла задачи 11.а ЦУР 11 и стимулировать их к осуществлению новаторских действий. В целом, набор показателей предлагает лицам, принимающим решения, и политикам инструментарий для оценки качества усилий, которые они прилагают для повышения устойчивости своих городов и территорий, а также для могут помочь ответить на вопросы о том, какие меры и инициативы могут сделать эти действия более эффективными.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Последняя версия структуры ЦУР, опубликованная в 2020 году IAEGSDGs (Межведомственной экспертной группой по показателям ЦУР), состоит из 17 задач, разделенных на 169 задач и 231 показатель. Несмотря на улучшение исходной версии 2015 года, версия 2020 года, разработанная IAEGSDG, сохраняет ту же цель и подход, в глобальном плане излагая набор руководящих принципов, которые должны быть полезны для поддержки устойчивой политики и принятия решений на местном уровне [7,8]. В рамках предложенной схемы задачи, детализирующие 17 ЦУР, направлены как на структурирование их содержания (с помощью так называемых «конечных задач», отмеченных номерами, например, 11.1, 11.2, 11.3 и т. д.), так и на повышение их оперативности (посредством так называемые «цели процесса», отмеченные буквами, например, 11.а, 11.б и т. д.). Каждая задача снабжена одним или несколькими показателями, призванными облегчить мониторинг достигнутого прогресса.

Реализация ЦУР широко обсуждалась в академических дебатах, как России, так и за рубежом [9,10, 11, 12]. В частности, несколько авторов подробно остановились на возможностях и ограничениях, характеризующих реализацию и мониторинг ЦУР, часто ссылаясь на конкретные национальные реалии и сравнивая их [11, 13, 14, 15-19]. Среди прочего, авторы подчеркивают необходимость усилий по определению конкретных количественных целевых значений.

Они справедливо утверждают, что цели ЦУР являются «желаемыми, а не количественными», чтобы дать странам возможность «выбирать свои собственные цели в соответствии с глобальными амбициями и национальными условиями» [20]. Эта гибкость призвана, с одной стороны, позволить национальным субъектам выбирать приоритетные цели на основе их контекстуальной специфики, а с другой стороны, определять и выбирать показатели на основе фактического качества и доступности данных.

Эти индикаторы особенно важны, поскольку именно с их помощью происходит реализация ЦУР в реальных условиях. Как следствие, каждый год прилагаются большие усилия для уточнения и улучшения измерения этих показателей за счет внедрения инновационных методологий и улучшения качества и доступности данных.

В настоящее время индикаторы разделены на три группы (обозначенные уровнями) в зависимости от их качества. Эта классификация описывает, от лучшего (уровень 1) до худшего (уровень 3), ожидаемые результаты показателей с точки зрения методологической обоснованности и доступности данных во всем мире [21]. Это также подчеркивает необходимость анализа качества показателей с многоаспектной точки зрения, переходя от глобального масштаба к более мелкому масштабу. Это представляет определенную сложность, поскольку, чем ниже уровень, тем менее качественными получаются данные ввиду их закрытости.

На муниципальном уровне города признаются местом, где в первую очередь может быть достигнуто технологическое, экономическое и социокультурное развитие [22-24], и в то же время они характеризуются самой высокой долей энергопотребления, загрязнения и социальной изоляции [25-28]. Соответственно, конкретная цель Повестки дня на период до 2030 года, то есть ЦУР 11, была поставлена, чтобы сделать города инклюзивными, безопасными, жизнестойкими и устойчивыми.

В структуре ЦУР 2020 года ЦУР 11 состоит из 10 задач и 14 показателей (таблица 1).

Таблица 1 – Перечень Целей устойчивого развития, задач и индикаторов (Источник: [5])

Цель 11, ее задачи и индикаторы	
Задачи	Индикаторы
11.1 К 2030 году обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам и благоустроить трущобы	11.1.1 Доля городского населения, живущего в трущобах, неофициальных поселениях или не принадлежащих жилищах
11.2 К 2030 году обеспечить, чтобы все могли пользоваться безопасными, недорогими, доступными и экологически устойчивыми транспортными системами, на основе повышения безопасности дорожного движения, в частности расширения использования общественного транспорта, уделяя особое внимание нуждам тех, кто находится в уязвимом положении, женщин, детей, инвалидов и пожилых лиц.	11.2.1 Доля населения с удобным доступом к общественному транспорту, независимо от пола, возраста или физической дееспособности
11.3 К 2030 году расширить масштабы открытой для всех и экологически устойчивой урбанизации и возможности для комплексного и устойчивого планирования населенных пунктов и управления ими на основе широкого участия во всех странах.	11.3.1 Соотношение темпов освоения земель и темпов роста населения. 11.3.2 Доля городов, в которых население на регулярной основе принимает непосредственное участие в городском планировании и управлении.
11.4 Активизировать усилия по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия.	11.4.1. Общее количество расходов (государственные и частные) на душу населения, затрачиваемые на сохранение и защиту всего культурного и природного наследия.
11.5 К 2030 году существенно сократить число погибших и пострадавших и значительно уменьшить прямой экономический ущерб в виде потерь мирового валового внутреннего продукта в ре-	11.5.1. Число погибших, пропавших и пострадавших в результате бедствий людей на 100 000 человек. 11.5.2. Непосредственный экономический ущерб от бедствий по отношению к мировому ВВП,

Цель 11, ее задачи и индикаторы	
Задачи	Индикаторы
зультате бедствий, в том числе связанных с водой, уделяя особое внимание защите малоимущих и уязвимых групп населения.	включая ущерб жизненно важной инфраструктуре и разрушение основных коммуникаций.
11.6 К 2030 году снизить негативное экологическое воздействие городов, уделяя особое внимание качеству воздуха и обращению с твердыми бытовыми отходами.	11.6.1. Доля бытовых отходов, собираемых и должным образом утилизируемых на регулярной основе, по отношению к общему количеству городских бытовых отходов. 11.6.2. Среднегодовой уровень загрязнения атмосферы взвешенными частицами в городах.
11.7 К 2030 году обеспечить всеобщий доступ к безопасным, доступным и открытым для всех зеленым зонам и общественным местам, особенно для женщин и детей, пожилых людей и инвалидов.	11.7.1. Средняя доля площади застроенных территорий городов, открытых для общественного пользования, независимо от пола, возраста или физической дееспособности. 11.7.2. Доля населения, ставшего жертвами нападений физического или сексуального характера, независимо от пола, возраста или физической дееспособности и места действия, за последние 12 мес.
11.a Поддерживать позитивные экономические, социальные и экологические связи между городскими, пригородными и сельскими районами на основе повышения качества планирования национального и регионального развития.	11.a.1. Доля городского населения, участвующего в реализации планов городского и регионального развития, учитывающих прогнозы роста населения и ресурсные нужды, независимо от размера города.
11.b К 2020 году значительно увеличить число городов и населенных пунктов, принявших и осуществляющих комплексные стратегии и планы, направленные на устранение социальных барьеров, повышение эффективности использования ресурсов, смягчение последствий изменения климата, адаптацию к его изменению и способность противостоять стихийным бедствиям, и разработать и внедрить в соответствии с Сендайской рамочной программой по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы меры по комплексному управлению связанными с бедствиями рисками на всех уровнях.	11.b.1. Доля местных органов управления, которые принимают и внедряют стратегии снижения риска бедствий на местном уровне в соответствии с Сендайской рамочной программой по снижению риска бедствий 2015 – 2030. 11.b.2. Число стран со стратегиями снижения риска бедствий на национальном и местном уровнях.
11.c Оказывать наименее развитым странам содействие, в том числе посредством финансовой и технической помощи, в строительстве экологически устойчивых и прочных зданий с использованием местных материалов.	11. c.1. Доля финансовой поддержки развивающихся стран, предназначенной для строительства и реновации устойчивых, долговечных и ресурсно-эффективных зданий с использованием местных материалов.

На глобальном уровне Сеть решений в области устойчивого развития (SDSN) поддерживает мониторинг достижения ЦУР 11 с помощью набора общих и специфических показателей: доля городского населения, живущего в трущобах; среднегодовая концентрация твердых частиц диаметром менее 2,5 мкм (PM_{2,5}); доступ к улучшенному источнику воды, водопроводу; удовлетворенность общественным транспортом; доля населения, имеющая кредитную нагрузку. Сравнительный обзор показателей, используемых для мониторинга ЦУР 11 на глобальном, европейском и национальном уровнях, был недавно составлен [29, стр. 16–18). Кроме того, существуют многочисленные исследования, посвященные ЦУР 11, а также определению и проверке ее задач и связанных с ними показателей с упором на различные регионы мира. Клопп и Петретта (Klopp & Petretta) [37] исследовали взаимосвязь между индикаторами, сложностью и политикой измерения городов, подчеркнув необходимость уменьшить неопределенность индикаторов, чтобы избежать нечеткости между универсальными индикаторами и под-

ходящими для местного применения. Точно так же Hansson et al. [31] подчеркивают необходимость изменения приоритетов показателей, чтобы они имели более высокое значение в управлении устойчивым развитием. В частности, они предлагают разрешить национальным субъектам выбирать такие цели и показатели, «которые отвечают критериям простоты измерения или сбора данных, уместности, удобства и соответствия преобладающим условиям национальной и местной политике, приоритетам и программам развития» [33, с. 15]. Обсуждая предварительные результаты сравнительного исследовательского проекта, посвященного семи городам, расположенным на четырех разных континентах, Valencia et al. [32] подчеркивают необходимость адаптации и локализации целей и показателей ЦУР, а также операций, которые должны выполняться совместно с местными политиками и лицами, принимающими решения. Они утверждают, что показатели ЦУР «не предоставляют исчерпывающего набора показателей для мониторинга ЦУР. Таким образом, местным органам власти необходимо найти дополнительные показатели, которые помогут планировать и лучше отслеживать их работу в рамках ЦУР и программы развития городов. Задача местных органов власти заключается в нахождении баланса между всеобъемлющим набором новых показателей (который может включать адаптированные к местным условиям показатели ЦУР) и использованием существующих систем мониторинга городов, если таковые существуют» [32, стр. 16].

ЦУР 11, ее задачи и фактическая эффективность ее индикаторов находятся в центре внимания исследовательского проекта QUICHE, который объединяет ученых из разных итальянских университетов, чтобы критически осмыслить, как измеряются задачи ЦУР-11 и как это измерение можно улучшить. При этом исследовательская группа стремится предоставить государственному сектору новые показатели, чтобы поддержать их деятельность по реализации ЦУР 11 посредством построения и оценки политики устойчивого развития.

В частности, проект признает, что в рамках общественных и политических дискуссий взаимосвязь между политикой и измерением ее эффективности и воздействия часто упрощается, учитывая, что показатели и их измерение прямо и однозначно связаны с анализируемыми явлениями и политикой. В реальности эта взаимосвязь является более сложной. По этой причине не существует четкого и однозначного определения того, что подразумевается под «индикаторами» применительно к политике и планированию [33]: в зависимости от ситуации они определяются как описательные меры, т.е. «переменная, описывающая состояние системы», или как нормативные меры, т.е. «индекс или конечная точка измерения для оценки эффективности системы (экономической, физической, биологической, человеческой)» или как функция переменных, которая обеспечивает принятия решения [34]. В других случаях индикаторы рассматриваются как гибридные меры, описательно для научных целей или нормативно для политических целей, но также и как измерение качества [35, с. 313]. Эта сложность возрастает, когда эти показатели не предназначены для измерения явлений, происходящих на местах, а скорее касаются качества принимаемых политических решений. Здесь индикаторы используются не только для описания состояний или изменений, но и для оценки системы политик, которая действует в данном контексте для достижения этих изменений, тем самым стремясь поддержать их рефлексивное улучшение с точки зрения целей, которые необходимо достичь, и целей, процессы и механизмы, которые они охватывают [36,37]. Это относится к задаче 11.а ЦУР 11, которая направлена на укрепление национального и регионального планирования в поддержку позитивных экономических, социальных и экологических связей между городскими, пригородными и сельскими районами. Выполнение этой задачи сопряжено с особыми трудностями, связанными со сложностью фактической конфигурации и динамики пространственного управления и планирования, которые характеризуют различные национальные, региональные и местные контексты. Сложность, связанная с определением подходящих показателей для измерения прогресса в достижении задачи 11.а ЦУР, также подтверждается тем фактом, что до сих пор очень немногие публикации рассматривали этот вопрос в научной литературе и в основном использовали довольно расплывчатый показатель, разработанный Организацией Объединенных Наций.

Подход, предложенный для измерения достижений в этой области, представляется чрезмерно упрощенным: цель сопряжена с одним показателем (11.a.1), который определяет «Количество стран, имеющих национальную городскую политику или планы регионального развития», которые (а) учитывают на динамику численности населения; (б) обеспечивают сбалансированное территориальное развитие; и (с) обеспечивают ресурсные нужды».

Это упрощение становится очевидным при изучении данных, собранных по этому показателю, посредством глобального обзора, проведенного ООН¹³, который представляется довольно общим и неспособным даже охватить верхушку айсберга неоднородности инструментов и практик, позволяющих решать вопросы территориального развития на региональном и местном уровнях.

При признании пробела, связанного с операционализацией Задачи 11.a, возникают некоторые вопросы, касающиеся методологической обоснованности установленного показателя, а также фактической возможности определить и дополнительно сформулировать систему показателей, которые могли бы лучше служить этой задаче. Как подчеркивалось в различных академических дискуссиях, а также указано Статистической комиссией ООН, показатели должны быть дополнительно сформулированы и контекстуализированы в различных отдельных странах, чтобы адаптироваться к специфике мест и наличию внутренних данных о человеческих ресурсах и технологических средствах [38, 39]. В этом свете отсутствие какого-либо соответствующего отражения этой задачи на национальном уровне, безусловно, представляет собой пробел, который следует устранить, чтобы избежать игнорирования важных вопросов, включенных в задачу 11.a ЦУР 11, в национальной и местной политике и при принятии решений. Аналогичным образом, особенно актуально, дальнейшее рассмотрение возможных индикаторов, которые могут способствовать практической реализации и мониторингу этой целевой задачи, особенно в отношении роли, которую играет городская политика в реализации основных глобальных установок развития в различных регионах мира.

В большей степени, чем другие задачи, составляющие ЦУР 11, задача 11.a имеет сильную политическую направленность. Взаимосвязь между разными типами территорий и динамика их развития имеют значение в отношении политики, проводимой для воздействия на них, и, в частности, многоуровневого характера этой политики, различных инструментов, которые они используют, и механизмов, которые они запускают. Точно так же, как заявили Rudd et al. [40], «содействие установлению связей между городом и деревней (Задача 11.a) свидетельствует о возросшем желании международного сообщества перейти от дихотомической концепции развития городов и сельских районов к концепции взаимоусиливающего, синергетического развития в континууме сельских и городских районов. Однако такую концепцию по-прежнему довольно сложно воплотить в реальную политику на всех уровнях управления. Городам по-прежнему требуются конкретные законодательные, пространственные и финансовые решения». Следовательно, понимание сочетания территориальной институциональной динамики и административной структуры, на основе которой эти территории организованы и управляются, имеет первостепенное значение, поскольку их взаимозависимость и синергия между действиями, продвигаемыми на различном уровне, могут привести к их фактическому успеху (или провалу).

С практической точки зрения любое измерение этой динамики должно учитывать тот факт, что каждая страна в мире характеризуется своими собственными системами пространственного управления и планирования [41-46], т.е. опирается на свою административную систему и культуру, которая развивалась и укреплялась с течением времени как следствие конкретной истории и географии, характеризующих конкретное место. Как следствие, способ принятия решений, распределение полномочий, механизмы взаимоотношений между уровнями планирования (национальный, региональный, местный и т. д.) являются важными аспектами, подлежащими оценке, поскольку все они вместе влияют на результат территориального развития, который в свою очередь может способствовать более устойчивой урбанизации и повышению

¹³ Goal 11: Sustainable Cities and Communities – SDG Tracker (sdg-tracker.org)

качества жизни горожан [47]. В то же время политика развития реализуется на местах лицами, принимающими решения, и лицами, определяющими политику, с использованием множества различных инструментов. Эти инструменты также зависят от времени и контекста, и они могут варьироваться от более дальновидных и стратегически ориентированных инструментов до программных мероприятий, посвященных распределению ресурсов на местах, до регулятивных и нормативных инструментов. Они могут быть законодательными или добровольными, относящимися к государственным или частным субъектам. Наконец, их масштабы могут сильно различаться, поскольку они могут касаться более целостных и интегрированных целей или конкретных секторов (например, жилищного строительства, транспорта, окружающей среды, энергетики и т. д.). Наконец, территориальное развитие должно поддерживаться соответствующими механизмами финансирования. Это особенно важно, когда речь идет о реализации пространственных стратегий и программ. Чтобы инструменты территориально-пространственного планирования оказывали желаемое воздействие, они должны сопровождаться адекватными рамками финансирования, поддерживающими действия государственных и частных субъектов, а также гражданского общества.

В целом вышеизложенное подсказывает, как продвижение устойчивого территориального развития должно учитывать одновременно процедурные, инструментальные и финансовые аспекты. В этом свете важно, чтобы эти аспекты учитывались при определении системы показателей, предназначенных для мониторинга и реализации задачи 11.а ЦУР 11. Из-за процедурного характера этой задачи это, в свою очередь, может обеспечить дополнительные возможности в отношении реализации других задач ЦУР 11 и, в более общем плане, достижения целей, установленных основной глобальной структурой развития. Основываясь на этом аргументе, предлагается набор показателей, касающихся этих трех аспектов, тем самым стремясь предоставить лицам, принимающим решения, и лицам, определяющим политику, полезную справочную информацию для размышлений об их деятельности и о том, как ее улучшить.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Как было отмечено выше, задачу 11.а ЦУР 11 трудно реализовать, а прогресс, достигнутый в каждом контексте в отношении последней, трудно отслеживать из-за отсутствия надлежащей системы показателей на наднациональном и национальном уровнях. Поскольку цель ориентирована на процесс, трудно определить, к какому типу явлений она относится, а также какие индикаторы могут лучше представлять эти явления.

Поскольку явления, охватываемые задачей 11.а ЦУР 11, весьма неоднородны, показатели сгруппированы по трем категориям, которые касаются трех аспектов, описанных выше, и отражают основные категории, часто используемые в качестве основы для анализа пространственного управления и планирования (т.е. механизмы управления, инструменты и ресурсы [42]):

- Процедурные индикаторы – сосредоточение внимания на механизмах управления и институциональной координации, направленных на территориальное развитие, которые можно идентифицировать в данном контексте.
- Инструментальные индикаторы – ориентация на инструменты пространственного планирования, программы и другие виды устройств, которые так или иначе влияют на территориальное развитие на данной территории.
- Финансовые показатели – сосредоточение внимания на различных видах экономической поддержки, задействованных для содействия устойчивому территориальному развитию в данном контексте, и возможности доступа к ним.

Каждая из этих категорий более подробно раскрывается ниже, чтобы более подробно описать индикаторы. В целом, 15 показателей, перечисленных ниже, направлены на то, чтобы предоставить региональным и местным учреждениям четко сформулированный инструментальный, который можно в дальнейшем адаптировать и совершенствовать в зависимости от конкретных особенностей и потребностей, а также наличия данных. Поскольку местные органы власти вряд ли могут выделить большое количество человеческих ресурсов и технических средств для сбора данных, необходимых для измерения всех предлагаемых показателей, если

эта информация еще не собрана, полный список предназначен для того, чтобы они могли работать над теми, которые наиболее актуальны для их территории, и направлять средства и ресурсы на получение полезных данных. В этом свете от лиц, ответственных за разработку политики, и лиц, принимающих решения, в данном контексте не требуется использовать все предложенные индикаторы, им следует выбрать те из них, которые являются более подходящими и простыми в использовании с учетом их потребностей и приоритетов, что, в свою очередь, облегчает мониторинг и процесс оценки без ущерба для их способности собирать данные и проводить самооценку.

Еще одна важная спецификация касается масштаба измерения. Специфическая административная конфигурация, характеризующая каждую страну, не позволяет априори однозначно определить правильный масштаб мониторинга. Для решения этой проблемы предлагаются две основные шкалы: муниципальная и региональная. С одной стороны, масштаб муниципалитета измеряет количество взаимодействий, инструментов или величину привлекаемых средств, которые характеризуют отдельный муниципалитет. С другой стороны, региональная шкала учитывает общее количество инициатив сотрудничества, инструментов или ресурсов, которые характеризуют муниципалитеты данного региона. Дополнительные масштабы могут быть приняты параллельно с региональным масштабом – например, масштаб области, округа или даже целой страны – когда в стране есть дополнительные административные единицы, которые могут быть интересны для изучения.

Важно отметить, что предлагаемый набор показателей предназначен для двойного использования. Прежде всего, государственные органы могут использовать их, следуя приведенным выше предложениям, для мониторинга качества своих действий в отношении реализации задачи 11.а ЦУР 11. Во-вторых, политикам и лицам, принимающим решения, предлагается использовать предложенные индикаторы при планировании своих действий в качестве ориентира в поддержку критической самооценки, что, в свою очередь, стимулирует инновации в определении территориальных приоритетов и инструментов, которые должны быть реализованы в будущем.

Процедурные индикаторы

Первая группа показателей касается межмуниципального сотрудничества и координации в различных областях (пространственное управление и планирование, предоставление услуг, представляющих общий интерес и т. д.), деятельности, которая обычно считается необходимой для укрепления отношений между городом и деревней [13,46]. Она состоит из трех подкатегорий (таблица 2): 1) индикаторы, относящиеся к формальным механизмам сотрудничества; 2) индикаторы, касающиеся функциональных отношений, и 3) индикаторы, касающиеся целенаправленных процессов координации. По каждому показателю в таблице 2 дается краткое описание его операционализации, единицы измерения, масштаба анализа и того, следует ли максимизировать или минимизировать.

Первая подкатегория относится к формальному сотрудничеству и координации. Они используют официальное управление и институциональные сети, которые характеризуют данную территорию как показатель ее потенциала для поддержки экономических, социальных и экологических взаимосвязей между городскими, пригородными и сельскими районами. При этом речь идет о тех институциональных соглашениях, которые организуют формальное взаимодействие муниципалитетов (например, участие в союзах или территориальных объединениях и т. д.).

Вторая подкатегория касается наличия конкретных функциональных условий, которые характеризуют различные муниципалитеты, которые могут иметь схожие социальные, экономические, культурные или географические особенности [8]). Примерами таких взаимоотношений между муниципалитетами являются функциональные городские районы (ФГР), большие города, прибрежные или горные туристические районы, речные бассейны и т. д. ФГР представляет собой основанное на статистических данных территориальное разграничение, объединяющее географически смежные территориальные единицы, имеющие определенные общие

пространственные, социальные и территориальные признаки, как, например, город и его пригородная зона, например, «Новая Москва». Понятие «Новая Москва» относится к надмуниципальному масштабу и указывает на территорию, где кластер высокой плотности не ограничивается уровнем муниципалитета, а распределяется между набором муниципалитетов. Важно отметить, что эти функциональные отношения не подразумевают автоматически наличие формальных соглашений между органами местного самоуправления. Однако в силу самой своей природы механизмы сотрудничества и координации внутри функциональных территорий могут быть более эффективными, поэтому их стоит изучить.

Таблица 2 – Показатели для мониторинга формальной, функциональной и целенаправленной координации и сотрудничества

	Код	Название	Описание	Обозначение	Мин/Макс	Уровень
Формальный Сотрудничество	11. а.1	Количество муниципалитетов, официально взаимодействующих с данным муниципалитетом.	Индикатор 11.а.1 показывает, со сколькими другими муниципалитетами взаимодействует данный муниципалитет, указывая на масштабы его сотрудничества с соседями.	N	Макс	Муниципальный
	11. а.2	Количество формальных взаимодействий в данном регионе по количеству муниципалитетов	Индикатор 11.а.2 показывает, сколько формальных взаимодействий характеризует регион, рассчитанный по количеству входящих в него муниципальных образований.	N/муниципалитеты	Макс	Региональный и др. верхние уровни
	11. а.3	Количество общих сервисов от общего количества услуг, предоставляемых муниципалитетом	Индикатор 11.а.3 рассматривает долю услуг в качестве показателя целевых проектов сотрудничества между муниципалитетами. В частности, он изучает, сколько услуг анализируемый муниципалитет предоставляет в сотрудничестве с другими муниципалитетами по сравнению с общим количеством услуг, предоставляемых этим муниципалитетом.	Нобщие услуги / N всего слуг	Макс	Муниципальный
Функциональный Связи	11. а.4	Количество муниципальных образований, находящихся в функциональном взаимодействии с данным муниципальным образованием	Индикатор 11.а.4 показывает, сколько муниципалитетов находятся в функциональном взаимодействии с анализируемым муниципалитетом, в качестве показателя потенциального сотрудничества с соседями.	N	Макс	Муниципальный
	11. а.5	Количество функциональных взаимодействий в данном регионе по количеству муниципалитетов	Индикатор 11.а.5 показывает, сколько функциональных взаимодействий характеризует регион, рассчитанный по количеству муниципальных образований, которые он включает	N/муниципалитеты	Макс	Региональный и др. верхние уровни

	Код	Название	Описание	Обозначение	Мин/Макс	Уровень
Целенаправленный Координация	11. а.6	Количество муниципальных, вовлеченных в инициативы по стратегическому планированию, инициативы в области международного сотрудничества и/или побратимства в данном регионе, по количеству муниципалитеты	Индикатор 11.а.6 учитывает количество инициатив по стратегическому планированию, инициатив в области международного сотрудничества и партнерств, в которых участвуют муниципалитеты в данном регионе, рассчитанное на основе количества муниципалитетов, входящих в этот регион.	N/муниципалитеты	Макс	Региональный и др. верхние уровни
	11. а.7	Количество инициатив по стратегическому планированию, инициатив в области международного сотрудничества и/или побратимских связей, в которых участвует данный муниципалитет, в зависимости от численности населения	Индикатор 11.а.7 учитывает количество инициатив по стратегическому планированию, инициатив в области международного сотрудничества и партнерств, в которых участвует муниципалитет, в расчете на численность его населения.	N/люди		Муниципальный

Третья подкатегория показателей, т. е. относящихся к целенаправленной координации деятельности, относится к проектному сотрудничеству и координации между муниципалитетами, которые созданы для участия в стратегических инициативах или проектах, подачи заявок на схемы финансирования или совместного управления предоставлением отдельных услуг (например, услуг, представляющих общий интерес). Эти мероприятия менее структурированы, чем те, что представлены в первой подгруппе, и чаще всего ограничены по времени и объему.

В совокупности эти три подгруппы показателей направлены на всесторонний мониторинг «плотности» сотрудничества и координации деятельности, которые осуществляются на данной территории, что, в свою очередь, может способствовать поддержанию позитивных экономических, социальных и экологических связей между городскими жителями, жителями пригородных и сельских районов, как конкретно указано в задаче 11.а ЦУР 11.

Инструментальные индикаторы

Вторая группа показателей ориентируется на территориально-планировочную деятельность и, в частности, на характер используемых там инструментов, которые могут быть как обязательными, так и добровольными [48]. К обязательным актам относятся те акты, которые установлены законом и подготовка, и принятие которых органами местного самоуправления являются обязательными. Они могут быть более регулятивными или стратегическими по своему характеру, более комплексными или секторальными или даже сосредоточенными на программировании ресурсов [43]. С другой стороны, под актами, принятыми добровольно, мы подразумеваем те акты, которые вырабатываются конкретным территориальным органом по собственной инициативе или вследствие конкретных стимулов, несмотря на то, что их подготовка не является обязательной в правовом поле. Если говорить более подробно, часто местные органы власти разрабатывают и принимают документы стратегического планирования для решения вопросов территориального развития. Эти инструменты, которые могут быть более или менее секторальными или интегрированными, в принципе не имеют обязательной силы, они скорее представляют собой своего рода политический манифест, который местные субъекты могут принять для совместной разработки концепции развития и дальнейшей ориентации

будущей политики и принятия решений. В эту категорию входят все те инструменты, которые не являются обязательными и/или установленными законом, как, например, местные стратегические планы, а также те инструменты, которые являются результатом более или менее стимулированного принятия рамок, установленных на более высоких уровнях (например, Повестка дня на XXI век, введенная в 1992 году в ООН в Рио-де-Жанейро, Планы действий по устойчивой энергетике, представленные Европейским соглашением мэров, План устойчивой городской мобильности, План действий по устойчивой энергетике и климату, Планы по устраниению архитектурных барьеров и т. д.).

Для каждого из различных типов инструментов был разработан набор показателей (таблица 3). Для каждого из них шкала оценки может быть либо муниципальной (т.е. относящейся к количеству актов, принятых данным органом местного самоуправления), либо региональной (т.е. относящейся к количеству актов, принятых местными органами власти, относящимися к данному региону или другая сверхлокальная единица).

Таблица 3 – Показатели мониторинга инструментов пространственного планирования

	Код	Название	Описание	Обозначение	Мин/Макс	Уровень
Обязательный Инструменты	11. а.8	Количество обязательных документов, принятых в данном регионе, в соответствии с количеством документов, предусмотренных законом.	Индикатор 11.а.8 измеряет объем деятельности по обязательному планированию в данном регионе, предназначенный как количество принятых обязательных инструментов к общему количеству инструментов, которые должны были быть приняты в соответствии с законом.	N/Nмакс	Макс	Региональный и др. верхние уровни
	11. а.9	Количество обязательных инструментов, принятых после внедрения ЦУР (2015 г.) в данном регионе	Индикатор 11.а.9 показывает, стало ли внедрение ЦУР в 2015 году поворотным моментом в деятельности по планированию в данном регионе. Более того, он предполагает, что инструменты, принятые после 2015 г., каким-то образом отражают структуру ЦУР, таким образом, выступая в качестве показателя согласованности деятельности по планированию в данном регионе с последней.	N	Мин	Региональный и др. верхние уровни
Добровольный Инструменты	11. а.10	Количество добровольных актов, принятых муниципалитетом или в данном регионе	Индикатор 11.а.10 измеряет объем деятельности по добровольному планированию муниципалитета или территории, подразумеваемая количество добровольных инструментов, принятых данным муниципалитетом или всеми муниципалитетами, расположенными в данном регионе.	N	Мин	Муниципальный/ Региональный и др. верхние уровни
	11. а.11	Количество добровольных инструментов, принятых после внедрения	Индикатор 11.а.11 исследует, стало ли внедрение ЦУР в 2015 году поворотным моментом в деятельности по добровольному	N	Мин	Муниципальный/ Региональный и др.

	Код	Название	Описание	Обозначение	Мин/Макс	Уровень
		ЦУР (2015 г.) муниципалитетом или в данном регионе.	планированию данного муниципалитета или в данном регионе. Более того, предполагается, что документы, принятые после 2015 г., так или иначе отражают структуру ЦУР, выступают в качестве прокси согласованности плановой деятельности муниципалитета или в пределах данного региона с последним.			верхние уровни
	11. а.12	Количество секторов, охватываемых добровольными инструментами, принятыми данным органом	Индикатор 11.а.12 учитывает количество секторов, охваченных всеми добровольными инструментами, принятыми данным органом власти.	N	Мин	Муниципальный/ Региональный и др. верхние уровни

Финансовые показатели

Третья группа показателей касается способности территорий привлекать ресурсы из программ внешнего финансирования, задействованных в поддержку территориального развития (таблица 4).

Таблица 4 – Показатели, контролирующие возможность привлечения внешних государственных ресурсов для территориального развития

	Код	Название	Описание	Обозначение	Мин/Макс	Уровень
Финансовые	11. а.13	Всего средств на душу населения, привлекаемая данным муниципалитетом	Индикатор 11.а.13 измеряет общую сумму государственных средств, которые данный муниципалитет смог привлечь из внешних источников, рассчитанный по численности его населения.	Σсредств/население	Макс	Муниципальный
	11. а.14	Всего средств на привлечено на душу населения в заданном регионе	Индикатор 11.а.14 измеряет общую сумму государственных средств, которую все муниципалитеты, расположенные в данном регионе, смогли привлечь из внешних источников, рассчитанную на основе численности населения региона.	Σсредств/население	Мин	Региональный и др. верхние уровни
	11. а.15	Количество проектов на душу населения (с четким территориальным измерением) финансируемых через внешние ресурсы	11.а.15 измеряет количество проектов, характеризующихся явным территориальным аспектом, которые финансировались за счет внешних государственных ресурсов в данном муниципалитет или регион, рассчитанный по численности его населения.	N/население	Мин	Муниципальный/ Региональный и др. верхние уровни

Существует множество национальных и наднациональных структур (например, отдельные программы, проводимые Организацией Объединенных Наций, Всемирным банком или Международными валютными фондами), которые предоставляют ресурсы для территориального развития. В целом, способность привлекать внешние средства имеет решающее значение для органов государственной власти на субнациональном и местном уровнях, поскольку они часто характеризуются довольно низкими бюджетами, которые во многих регионах мира подверглись постепенному сокращению вследствие глобального экономического кризиса, разразившегося в конце 2010 г. Они представляют собой большую долю общих средств, используемых муниципальными или региональными органами власти для содействия территориальному развитию, и их величина в значительной степени влияет на их способность поддерживать положительные экономические, социальные и экологические связи между городскими, пригородными и сельскими районами в соответствии с целью 11.а ЦУР11.

ВЫВОДЫ

В итоговом документе саммита Организации Объединенных Наций по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 года: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, раскрыта задача 11.а ЦУР 11. В настоящее время время ее не сопровождается каким-либо функциональным показателем, определяющим ее меру. Это является следствием того факта, что речь идет не о явлениях территориального развития как таковых, а о тех процессах территориального управления и пространственного планирования, которые несут ответственность за решение этих явлений и управление ими, а также о взаимодействии между различными действующими политиками и инструментами, используемыми, чтобы добиться устойчивого территориального развития. Чтобы восполнить этот пробел хотя бы частично, в статье предложен набор показателей, которые дополнительно определяют границы задачи 11.а ЦУР 11 с многомерной точки зрения, принимая во внимание ее процедурные, инструментальные и финансовые последствия. В целом, эти показатели призваны предоставить политикам и лицам, принимающим решения на местном, региональном и национальном уровнях, оперативный инструмент для мониторинга их действий по поддержке позитивных экономических, социальных и экологических связей между городскими, пригородными и сельскими районами за счет укрепления национального и регионального планирования развития. В то же время они должны стимулировать рефлексивную самооценку этого действия, тем самым способствуя запуску инноваций в политике и принятии решений.

В этом свете предлагаемый список индикаторов играет двоякую роль. С одной стороны, и в более общем плане, он дает четко сформулированную многомерную картину процессов, охватываемых задачей 11.а ЦУР 11. С другой стороны, что, возможно, более важно, он предоставляет государственным органам на разных уровнях разнообразный набор вариантов измерения, которые они могут дополнительно адаптировать и настраивать в соответствии с конкретными контекстуальными особенностями, а также фактическими условиями доступности данных.

Зная, что технологические возможности, человеческие ресурсы и доступность данных в значительной степени различаются от одного контекста к другому, будущий этап представленного исследования будет касаться применения разработанного набора показателей к различным реальным контекстам. Это позволит более глубоко понять ценность и преимущества разработанного набора инструментов, а также его потенциал как в поддержке мониторинга прогресса, достигнутого в отношении задачи 11.а ЦУР 11, так и в стимулировании критического и новаторского мышления в местных органах власти, которые занимаются этой деятельностью. В то же время, реальное приложение данных индикаторов будет способствовать выявлению ограничений предлагаемых индикаторов в связи с их контекстуальной зависимостью. Более подробно, тестируя и оценивая применимость индикаторов с помощью различных тематических исследований, можно будет адаптировать и дополнительно усовершенствовать предлагаемый инструментальный набор и разработать более точные инструкции по его использованию, тем самым превратив его в полезные инструменты для политиков и лиц, принимающих решения. В целом, это первая попытка определения инструментального набора мониторинга, который может

быть полезен политикам и лицам, принимающим решения, при оценке качества усилий, которые они прилагают для того, чтобы сделать свои города и территории более устойчивыми, а также в определении инновационных мер и инициатив, чтобы сделать это действие более эффективным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Объединенные Нации. Перспективы мировой урбанизации, 2018 г. Перспективы народонаселения мира. Департамент по экономическим и социальным вопросам; 2018. с. 2018.
2. Гукасян Г.Л. Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 7–19. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-4-7-19.
3. Хахалкина Е.В. Будущее городов в условиях пандемии Ковид-19 // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 202-213.
4. Bloom DE, Khanna T. The urban revolution. *Finance Dev* 2007;44:003.
5. Объединенные Нации. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Цели в области устойчивого развития: Платформа устойчивых знаний Организации Объединенных Наций; 2015.
6. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities>.
7. Абастанте Ф., Лами И.М., Габалло М. Достижение целей ЦУР 11: роль протоколов устойчивого развития. *Устойчивое развитие* 2021;13:3858. URL: <https://doi.org/10.3390/su13073858>.
8. Allen C, Metternicht G, Wiedmann T. Initial progress in implementing the Sustainable Development Goals (SDGs): a review of evidence from countries. *Sustain Sci* 2018;13(5):1453–67. <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0572-3>.
9. Устойчивые города и населенные пункты. <http://sdg.openshkola.org/goal11>
10. Nakamura M, Pendlebury D, Schnell J, Szomszor M. Navigating the structure of research on sustainable development goals. *Policy* 2019;12:11.
11. Ланьшина Т.А., Баринова В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. (2019) Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах – лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 207–224. DOI: 10.17323/1996-7845-2019- 01-12.
12. Игнатов А.А., Михневич С.В., Попова И.М., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. (2018) Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 164–188 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10.
13. Dente B. Understanding Policy Decisions. In: Springer briefs in applied sciences and technology. Cham: Springer International Publishing; 2014. p. 1–27. https://doi.org/10.1007/978-3-319-02520-9_1.
14. Messerli P, Kim EM, Lutz W, Moatti J-P, Richardson K, Saidam M, et al. Expansion of sustainability science needed for the SDGs. *Nat Sustain* 2019;2(10):892–4. <https://doi.org/10.1038/s41893-019-0394-z>.
15. Oldekop JA, Fontana LB, Grugel J, Roughton N, Adu-Ampong EA, Bird GK, et al. 100 key research questions for the post-2015 development agenda. *Dev Policy Rev* 2016;34(1):55–82. <https://doi.org/10.1111/dpr.12147>.
16. Saito O, Managi S, Kanie N, Kauffman J, Takeuchi K. Sustainability science and implementing the sustainable development goals. *Sustain Sci* 2017;12(6):907–10. <https://doi.org/10.1007/s11625-017-0486-5>.

17. Schneider F, Klĕay A, Zimmermann AB, Buser T, Ingalls M, Messerli P. How can science support the 2030 Agenda for Sustainable Development? *Sustain Sci* 2019; 14(6):1593–604. <https://doi.org/10.1007/s11625-019-00675-y>.

18. Smith MS, Cook C, Sokona Y, Elmqvist T, Fukushi K, Broadgate W, et al. Advancing sustainability science for the SDGs. *Sustain Sci* 2018;13(6):1483–7. <https://doi.org/10.1007/s11625-018-0645-3>.

19. van der Hel S, Biermann F. The authority of science in sustainability governance: A structured comparison of six science institutions engaged with the Sustainable Development Goals. *Environ Sci Policy* 2017;77:211–20. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2017.03.008>.

20. Allen C, Metternicht G, Wiedmann T. Priorities for science to support national implementation of the sustainable development goals: A review of progress and gaps. *Sustain Dev* 2021;29(4):635–52. <https://doi.org/10.1002/sd.2164>.

21. Abastante F, Lami I, Mecca B. How Covid-19 influences the 2030 Agenda: do the practices of achieving the Sustainable Development Goal 11 need rethinking and adjustment? *Valori e Valutazioni* 2020;26:11–23. <https://doi.org/10.48264/VVSIEV-20202603>.

22. Бельчук Е.В., Гагарина Г.Ю. Роль крупных городов в формировании единого экономического пространства России // Вестник РЭА. 2007. № 2.

23. Гурович А.М. Роль городов и агломераций в пространственной организации Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2020. № 4-3. С. 36-41.

24. Kourtit K, Nijkamp P. Big data dashboards as smart decision support tools for i-cities – An experiment on stockholm. *Land use policy* 2018;71:24–35. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.10.019>.

25. Мингалева Ж.А. Роль современных технологий в развитии «зеленой» экономики и экологически чистых городов // Вестник московского университета. Серия 6: экономика. 2020. № 5. с. 258-270.

26. Becchio C, Bottero MC, Corgnati SP, Dell’Anna F. Evaluating health benefits of urban energy retrofitting: an application for the city of Turin. In: Bisello A, Vettorato D, Laconte P, Costa S, editors. *Smart and Sustainable Planning for Cities and Regions*. SSPCR 2017. Springer, Cham: Green Energy and Technology; 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-75774-2_20.

27. Oppio A, Forestiero L, Sciacchitano L, Dell’ovo M. How to assess urban quality: a spatial multicriteria decision analysis approach. *Valori e Valutazioni* 2021;28:21–30. <https://doi.org/10.48264/VVSIEV-20212803>.

28. Rotondo F, Abastante F, Cotella G, Lami IM. Questioning low-carbon transition governance: a comparative analysis of european case studies. *Sustainability* 2020;12(24):10460. <https://doi.org/10.3390/su122410460>.

29. Abastante F, Lami IM, Gaballo M. Pursuing the SDG11 Targets: The Role of the Sustainability Protocols. *Sustainability* 2021;13:3858. <https://doi.org/10.3390/su13073858>.

30. Klopp JM, Petretta DL. The urban sustainable development goal: Indicators, complexity and the politics of measuring cities. *Cities* 2017;63:92–7. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.12.019>.

31. Hansson S, Arfvidsson H, Simon D. Governance for sustainable urban development: the double function of SDG indicators. *Area Dev Policy* 2019;4(3):217–35. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1585192>.

32. Valencia SC, Simon D, Croese S, Nordqvist J, Oloko M, Sharma T, et al. Adapting the Sustainable Development Goals and the New Urban Agenda to the city level: Initial reflections from a comparative research project. *Int J Urban Sustain Dev* 2019;11(1):4–23. <https://doi.org/10.1080/19463138.2019.1573172>.

33. Heink U, Kowarik I. What are indicators? On the definition of indicators in ecology and environmental planning. *Ecol Ind* 2010;10(3):584–93. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2009.09.009>.

34. Riley J. Indicator quality for assessment of impact of multidisciplinary systems. *Agric Ecosyst Environ* 2001;87(2):121–8. [https://doi.org/10.1016/S0167-8809\(01\)00272-9](https://doi.org/10.1016/S0167-8809(01)00272-9).
35. Ferris R. A review of potential biodiversity indicators for application in British forests. *Forestry* 1999;72(4):313–28. <https://doi.org/10.1093/forestry/72.4.313>.
36. Dziocik F, Henle K, Foeckler F, Follner K, Scholz M. Biological Indicator Systems in Floodplains – a Review. *Int Rev Hydrobiol* 2006;91(4):271–91. <https://doi.org/10.1002/iroh.200510885>.
37. Rempel RS, Andison DW, Hannon SJ. Guiding principles for developing an indicator and monitoring framework. *For Chron* 2004;80(1):82–90. <https://doi.org/10.5558/tfc80082-1>.
38. Miola A, Borchardt S, Neher F, Buscaglia D. Interlinkages and policy coherence for the Sustainable Development Goals implementation. An operational method to identify trade-offs and co-benefits in a systemic way. An Oper. Method to identify trade-offs co-benefits a Syst. way, Publ. Off. Eur. Union 10, 472928; 2019. <https://doi.org/10.2760/472928>.
39. Global Taskforce of Local and Regional Governments. Roadmap for localizing the SDGs: implementation and monitoring at subnational level; 2016.
40. Rudd A, Simon D, Cardama M, Birch EL, Revi A. The UN, the Urban Sustainable Development Goal, and the New Urban Agenda. In: *Urban Planet*. Cambridge University Press; 2018. p. 180–96. <https://doi.org/10.1017/9781316647554.011>.
41. Юшкова Н.Г., Донцов Д.Г. Концепция системного регулирования и методология реорганизации территориальных систем // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2020, № 3(34) том 10. с. 486-503.
42. Janin Rivolin U. Global crisis and the systems of spatial governance and planning: a European comparison. *Eur Plan Stud* 2017;25(6):994–1012. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1296110>.
43. Nadin V, Fernandez Maldonado AM, Zonneveld W, Stead D, Dąbrowski M, Piskorek K, et al. COMPASS—Comparative Analysis of Territorial Governance and Spatial Planning Systems in Europe: Applied Research 2016-2018; 2018.
44. Tulumello S, Cotella G, Othengrafen F. Spatial planning and territorial governance in Southern Europe between economic crisis and austerity policies. *Int Plan Stud* 2020;25(1):72–87. <https://doi.org/10.1080/13563475.2019.1701422>.
45. Blanc F, Cabrera JE, Cotella G, García A, Sandoval JC. – forthcoming), Does planning keep its promises? Latin American spatial governance and planning as an ex-post regularisation activity. *Plan Pract Res* 2022 [forthcoming].
46. Sanyal B, editor. *Comparative planning cultures*. New York: Routledge; 2005.
47. ESPON. *ESPON QoL – Quality of Life Measurements and Methodology*, Luxemburg; 2021.
48. Solly A, Berisha E, Cotella G. Towards Sustainable Urbanization. Learning from What’s Out There *Land* 2021;10:356. <https://doi.org/10.3390/land10040356>.

INDICATORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORIES

Grigoriev S.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University

ABSTRACT

The key role that urbanization plays in global development trajectories is clearly recognized by the United Nations 2030 Agenda, which among its 17 Sustainable Development Goals explicitly states that cities and human settlements must be more inclusive safe, resilient and sustainable (SDG 11). While SDG 11 targets are accompanied by one or more indicators to monitor their achievement, in some cases this process is not straightforward. In particular, when it comes to Task 11.a. “Support positive economic, social and environmental links between urban, suburban and rural areas by strengthening national and regional development planning”, the identified indicator does not appear to be able to capture the complexity of national and regional governance, policy and planning. To contribute to solving this problem, the article conceptually discusses the content and solutions of target 11.a of SDG 11. Based on this, a multidimensional set of indicators has been developed to assess the quality of spatial management and planning, which divides them into three main categories: 1) procedural indicators, 2) instrumental indicators and 3) financial indicators. The result of this work is a set of tools that can help decision makers and policy makers assess the quality of the efforts they are making to improve the resilience of their cities and territories, as well as analyze what measures and initiatives could contribute to this.

KEYWORDS

Sustainable development goals, multilevel management, spatial planning, indicators.